

ЯН СЕВЕРИН

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Ян Северин

Одиннадцатая глава

«Автор»

2026

Северин Я.

Одиннадцатая глава / Я. Северин — «Автор», 2026

Знаменитый писатель-затворник Лев Гронский, автор сорока детективов и мастер невозможных развязок, найден мёртвым за рабочим столом в занесённой снегом усадьбе. Рядом — пустой стакан. На столе — его последняя рукопись, у которой недостаёт лишь одной страницы: той, где называют убийцу. Дом отрезан от мира. Внутри — восемь человек, и у каждого была причина желать старику смерти. Расследование ведёт Марина Соколова — следователь, выросшая на его книгах, которую он вызвал сам, оставив записку: «Позовите Соколову. Она единственная дочитает до конца». Гронский всю жизнь заканчивал романы одинаково: убийца — тот, о ком читатель успел забыть. Свой последний сюжет он выстроил безупречно. Он не учёл одного — что разгадку придётся дописывать не ему.

© Северин Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Ян Северин

Одиннадцатая глава

Глава

Одиннадцатая глава

детективный роман

«В хорошем детективе убийца — всегда тот, о ком читатель успел забыть.

В отличном — тот, о ком он не думал ни секунды.»

— Лев Арсеньевич Гронский, из предисловия к роману «Молчание свидетеля»

Пролог

Снег шёл с самого полудня, и к вечеру дорога, ведущая к усадьбе, исчезла совсем — осталась только белая гладь между чёрными соснами, по которой уже нельзя было понять, где кончается сад и начинается лес.

В кабинете на втором этаже горела лампа под зелёным абажуром. За её светом, в глубоком кресле у окна, сидел старик и смотрел, как снег ложится на подоконник с той стороны стекла — медленно, старательно, будто кто-то невидимый заклеивал окно изнутри белой бумагой.

На столе перед ним лежала стопка машинописных листов. Двести одиннадцать страниц. Он знал это число наизусть, потому что пересчитывал их дважды в день последние две недели — не потому, что боялся потерять, а потому, что это было единственное, что ещё держало его в этом мире.

Рядом стоял стакан. В стакане была вода, и в воде уже не было ничего, кроме воды, — то, что он туда положил, растворилось без следа минут двадцать назад.

Старик поднял стакан, посмотрел сквозь него на лампу. Свет преломился, дрогнул, и на мгновение ему показалось, что в стекле отразилось чужое лицо — не его собственное, а другое, знакомое до боли, стоящее у него за спиной.

Он не обернулся.

— Значит, всё-таки ты, — сказал он тихо, ни к кому не обращаясь, и улыбнулся так, как улыбаются, узнав в самом конце разгадку собственной книги. — Ну конечно. Кто же ещё.

Он выпил.

Внизу, в большой гостиной, где собрались гости, кто-то засмеялся, зазвенел бокал, заиграл патефон — старая, чуть шипящая пластинка, которую в этом доме заводили всегда, когда хотели заглушить тишину.

Наверху тишину заглушать было уже нечем.

Лампа под зелёным абажуром горела до самого утра. Снег шёл всю ночь и засыпал последнюю дорогу, ведущую к усадьбе, так что, когда рассвело, стало ясно: тот, кто это сделал, уехать уже не смог. Он остался здесь. Со всеми.

Глава первая. Звонок

Марина Соколова не любила телефон, который звонил после полуночи. За семь лет в следственном отделе она усвоила простую вещь: хорошие новости умеют ждать до утра. Ждать не умеет только смерть.

Она жила одна в двухкомнатной квартире на четвёртом этаже старого дома, где по ночам было слышно, как в трубах остывает вода и как соседский кот скребётся в чужую дверь. Мужа

у неё не было — был когда-то, недолго, и ушёл, сказав напоследок фразу, которую она долго не могла забыть: «С тобой невозможно жить, Марина. Ты всё время меня допрашиваешь. Даже когда молчишь — допрашиваешь». Может, он был прав. Она и правда не умела не замечать. Не умела верить на слово. Это делало её плохой женой и хорошим следователем, и с годами она перестала жалеть о размене.

В тот вечер она легла поздно. На тумбочке у кровати лежала книга — старая, зачитанная, с загнутыми углами. Она перечитывала её, наверное, в пятый раз и всё равно к полуночи не выдержала, отложила на самом интересном месте, потому что знала: если начнёт последнюю треть, не уснёт до утра. Книга называлась «Молчание свидетеля». На обложке стояло имя автора — Лев Гронский.

Телефон зазвонил в шесть минут первого.

Она сняла трубку в темноте, не зажигая света, — так было легче держать голос ровным, будто она и не спала вовсе.

— Соколова.

— Марина Дмитриевна? — голос был незнакомый, мужской, с той особой вежливостью, за которой прячут растерянность. — Простите, что так поздно. Это Яков Борисович Штерн. Я... литературный агент Льва Арсеньевича Гронского. Мы с вами не знакомы, но он... он о вас говорил.

Марина села на кровати. Имя ударило её прежде, чем она успела понять смысл слов.

Лев Гронский.

Человек, чьи книги стояли у неё на полке в двух рядах — сначала он их писал, потом она их читала, потом, много позже, она читала их снова, уже зная, что все преступления в них выдуманы, и всё равно каждый раз попадалась в его ловушки. Человек, чью книгу она отложила час назад на самом интересном месте.

Она вспомнила ту встречу — как вспоминают первый снег или первую любовь, целиком, одним куском. Ей было девятнадцать. Промёрзший зал районной библиотеки, лампы дневного света, десяток продрогших читателей на скрипучих стульях. Гронский тогда уже был знаменит — сухой, желчный старик с выцветшими, но острыми глазами, — и подписывал книги с видом человека, который делает всем большое одолжение. Очередь тянулась медленно. Когда подошла она и протянула ему «Одиннадцатую дверь», он взял книгу, занёс над ней перо — и вдруг остановился. Поднял глаза. Долго, неприятно долго смотрел на неё, будто читал не книгу, а её саму.

«Как вас зовут?» — спросил он. «Марина». — «Вы, Марина, зачем читаете детективы?» Она растерялась и ответила честно: «Мне нравится угадывать раньше вас». Кто-то в очереди хмыкнул. А Гронский вдруг улыбнулся — редкой, настоящей улыбкой, которую, как она узнает потом, почти никто из его окружения не видел. «У вас лицо человека, который не верит на слово, — сказал он. — Такие люди либо очень несчастны, либо очень полезны. Идите в следователи, детка. Там таких мало». И написал на форзаце не обычное «с наилучшими пожеланиями», а одну строчку: «Марине, которая дочитает».

Она пошла в следователи. Она так и не поняла, шутил он тогда или нет. И никогда не рассказала ему, что послушалась.

А теперь он был мёртв, и его агент читал ей по телефону записку с её именем.

— Что случилось? — спросила она.

В трубке помолчали.

— Лев Арсеньевич умер, — сказал Штерн. — Сегодня ночью. У себя, в усадьбе. Мы... тут все. Приехали на выходные, он собирал нас, обещал что-то важное объявить. А утром... то есть ночью... — он запнулся, и стало слышно, как он дышит. — Марина Дмитриевна, я звоню вам, а не в милицию, и я знаю, что это неправильно. Но он сам оставил записку. Прямо перед... Записку с вашим именем и телефоном. И одной строчкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.